

Если въ умѣ того или другого, богатаго или бѣднаго, возникаетъ сомнѣніе насчетъ разумнаго смысла подобной жизни, если тотъ или другой поставитъ себѣ вопросъ: къ чему эта безцѣльная борьба за мое существованіе, которая будетъ продолжаться въ дѣтяхъ моихъ, или къ чему эта обманчивая погоня за наслажденіями, которыя кончатся страданіями какъ для меня, такъ и для дѣтей моихъ? Если вопросы эти и возникнутъ у кого-нибудь изъ нихъ, почти нѣтъ вѣроятія, чтобъ они узнали опредѣленія жизни, данныя человѣчеству великими учителями тысячелѣтія тому назадъ, сила привычки и ученіе книжниковъ и фари́сеевъ совершенно заслоняютъ эти опредѣленія.

Вотъ въ какомъ положеніи находится, по мнѣнію графа Толстого, вопросъ о жизни въ современномъ обществѣ. Признавая въ общемъ справедливость замѣчаній графа Толстого, нельзя не видѣть, что онъ иногда заходитъ слишкомъ далеко въ своей полемикѣ противъ книжниковъ и фари́сеевъ, и подъ этими названіями захватываетъ иногда и вполнѣ серьезные идеи и чувства; нѣтъ надобности всецѣло преклоняться предъ привычками, но прежде чѣмъ отбрасывать ихъ какъ ненужный хламъ, необходимо проникнуть въ ихъ внутренній смыслъ и убѣдиться, что подъ обветшалою одеждою не кроется живой сущности.

Въ дѣлѣ же религіи и нравственности даже